

За обедом Юй Чуцю положил последний в тарелке варёный кусок яйца в миску Су Цзытяню.

Увидев это, Ян Ихай приуныл. Ведь это яйцо всегда было его «законной добычей», а теперь — «лишь новой пассии улыбки, не слышно старых горьких слёз». Обида захлестнула его с головой. Он уткнулся в свою чашку, бросая на наставника полные негомо укора взгляды.

Юй Чуцю сделал вид, что ничего не заметил, и невозмутимо продолжил трапезу.

Принцип Ян Ихая был прост: «Меня не трогают — и я никого не трону; если же тронут — я обижусь смертельно!»

Проглотив пару кусков, Ихай бросил палочки и ушёл к себе.

Вечером он лежал на кровати, и на душе было скверно.

С тихим скрипом дверь отворилась. В комнату вошёл Юй Чуцю, неся в руках миску горячей лапши с томатами и зеленью.

Ян Ихай из вредности не пожелал с ним разговаривать. Он демонстративно отвернулся к стене. Послышалось, как Юй Чуцю подошёл к столу, поставил миску, а затем присел на край кровати.

В комнате воцарилась тяжёлая, давящая тишина. Ихай ждал, что тот уйдёт, но наставник медлил. Время тянулось томительно долго. Ян Ихаяу стало невольно лежать бревном, но и повода подняться он не находил, а потому продолжал мучиться, не меняя позы.

Наконец тишину нарушил глубокий вздох Юй Чуцю:

— Ты почти не прикоснулся к ужину. Я подумал, что ты проголодался, и сварил лапши. Ешь, пока не остыла.

Ихай не пошевелился, лишь закрыл глаза. Когда же он всё-таки решился сесть и обернуться, наставника в комнате уже не было.

Следующие несколько дней в поместье Юй прошли спокойно, если не считать странностей. Су Цзытянь пропадал где-то с самого утра — носился по округе, словно оглашенный. Ян Ихаяу он никогда не нравился, так что отсутствие парня только радовало. Однако вскоре и Юй Чуцю стал исчезать по вечерам. Вот это Ян Ихая задело не на шутку.

«И куда его черти носят?»

Отправив учеников домой, Ян Ихай побрёл по каменистой тропинке вниз по склону, задумчиво покусывая стебелёк сорной травы. Ему не давало покоя, почему Чуцю каждый раз после занятий так спешно куда-то уходит.

Вдруг из тёмного переуллка донеслись встревоженные голоса:

— Оставь меня! Я сказала — отпусти! Буду кричать!

— Кричи, милая, кричи громче! Посмотрим, придут ли члены семьи Юй на выручку... Ох, не брыкайся... Люблю я таких потаскушек!

«Вот же тварь!»

Ян Ихай выплюнул травинку, выругался и, подхватив у забора увесистый обломок дерева, бросился в проулок. В глубине он и впрямь увидел какого-то сластолюбца, зажавшего женщину в углу.

Ихай, не раздумывая, обрушил дубину на спину мерзавца.

Су Цзычуань стояла, не в силах унять дрожь. Лицо её было в слезах, размазанных румянах и тенях. Глядя на возвышавшегося над ней Ян Ихая, который сохранял пугающее спокойствие, она лишь всхлипнула и, не сказав ни слова, поспешила домой.

Они шли друг за другом в полном молчании. Вернувшись, Су Цзычуань в изнеможении опустилась в кресло и обхватила голову руками, пытаясь прийти в себя после пережитого ужаса.

Следом вошёл Ян Ихай. Он сел рядом и налил две чашки чаю.

— Если вечно рядиться, как ведьма на шабаш, не удивляйся, что всякая нечисть налетает.

— На меня только что чуть не набросились, а ты взялся меня поучать?! — Су Цзычуань откинулась на спинку кресла и посмотрела на него с глубокой обидой.

Ихай промолчал.

В пустом старом поместье Юй солнечные лучи пробивались сквозь потолочный люк, но они не

могли согреть душу замершей женщины.

Спустя долгое время Ян Ихай достал из-за пазухи серебряную рукоять и протянул ей.

— На, держи.

Су Цзычуань в недоумении уставилась на вещицу. Она уже хотела спросить, зачем ей одна рукоятка без клинка, как Ян Ихай нажал мизинцем на скрытый выступ. С резким щелчком из паза выскочило острое лезвие, сверкнув холодным стальным блеском.

Она не могла в это поверить:

— Даёшь мне это? Чтобы в следующий раз я зарезалась, спасая свою честь?!

Ян Ихай ловким движением сложил нож. Перехватив рукоять поудобнее, он спокойно произнёс:

— Если такое повторится... вонзи это ему в бедро. И проверни. Рана не затянется.

С этими словами он снова протянул ей нож.

Су Цзычуань, ошеломлённая, приняла оружие. Прижав ладонь к губам, она поспешно скрылась в своей комнате.

Ян Ихай остался один. От нечего делать он отхлебнул воды, оглядываясь по сторонам.

«Чудеса какие-то. Куда все подевались?»

Он вышел к воротам и столкнулся с дровосеком Чжаном, который как раз возвращался с вязанкой дров.

— О, дядюшка Чжан, что-то вы сегодня припозднились. Трудитесь не покладая рук?

— Ха-ха, да разве ж это труд? — Дровосек на ходу улыбнулся парню. — Вот твой наставник — тот и впрямь работяга. До сих пор в управе сидит.

— Что?! — Ян Ихай едва не подпрыгнул. — Что старик Юй забыл в управе?

— А ты и не знал? Господин Юй последнее время в управе подрабатывает. Кажется, бумаги переписывает или вроде того.

— С чего бы ему вдруг в город бегать... — пробормотал Ян Ихай, не понимая, что происходит.

Дровосек, человек простой и прямой, пояснил:

— Эх, парень. Гордость у твоего наставника выше гор. Если беда случится, сам ни за что не скажет, пока не спросишь. В этом месяце разлив был, поля затопило. Большинство жителей не смогли за учёбу детей заплатить. А ты ведь знаешь его нрав...

Чем больше Ян Ихай слушал, тем мрачнее становился. Он вспомнил, чем они питались в последние дни — как же он сам-то ничего не заметил?!

На душе стало совсем тошно. Поспешно распрощавшись с дровосеком, он со всех ног бросился к пристани.

Однако не успел он сойти на берег, как увидел Су Цзыяня. Тот стоял у воды и тренировался с клинком — усердно, но крайне неуклюже. Чрезмерная тучность мешала ему двигаться. Жировые складки на животе колыхались при каждом выпаде, а по пухлым щекам катился крупный пот.

Глядя на это зрелище, напоминавшее скорее пародию на танец с мечами, Ян Ихай не выдержал и прыснул.

Но смеялся не он один. Чей-то гогот, полный неприкрытой издевки, прозвучал куда громче.

Ихай обернулся и увидел четверых оборванцев, которые обступили Су Цзыяня. Они стояли, уперев руки в бока, и с отвращением разглядывали толстяка.

Один из них, с повадками заправского пройдохи, ядовито бросил:

— Ну и рожа! Ты уродлив настолько, что это почти искусство. Как ты смеешь среди бела дня выставить это непотребство на всеобщее обозрение? Ты же нас калечишь одним своим видом! Неужто тебе людей не жалко?

— Ха-ха! Ну выдал, вожак! Прямо в точку!

— Ага, с каких это пор ты стал такими складными словами кидаться? Прямо не разбойник, а книжник!

— Заткнитесь! — отвесил тот подзатыльник приятелю. — Должен же я казаться культурным человеком!

Су Цзыянь лишь мельком взглянул на них и попытался уйти.

— Эй-эй, погоди! Я ещё не закончил. Куда это ты наострил лыжи?

Ян Ихай стоял поодаль и не слышал, о чём они говорят. Он лишь увидел, как Су Цзыянь что-то ответил, и четверка бездельников, словно взбесившись, набросилась на него.

Су Цзыянь одним мощным толчком отшвырнул одного из нападавших. Тот повалился на землю, барахтаясь и сыпя проклятиями, не в силах подняться. Остальные разозлились ещё сильнее. Но странное дело: Су Цзыянь перестал сопротивляться. Он бросил меч и просто стоял, принимая удары.

«Плохо дело!»

Ян Ихай подхватил с земли камень и припустил к ним. Но едва он приблизился, Су Цзыянь предостерегающе посмотрел на него, приказывая не вмешиваться.

Ихай понял его замысел. Выронив камень, он спрятался за старой ивой, с тревогой наблюдая, как избивают Су Цзыяня.

— Дохлая свинья! Будешь знать, как руки распускать! На, получай!

— Жирный кретин! Решил потягаться с «Четверкой из Юшуй»?! Смерти ищешь?!

Град оскорблений сопровождался пинками. Наконец, вволю натешившись, хулиганы довольные собой покинули берег.

Су Цзыянь, преодолевая боль, сел на траву и небрежно вытер рукавом кровь с лица. Вспомнив про Ян Ихая, он поднялся и заглянул за дерево.

Там никого не было.

Пока он недоуменно озирался, Ян Ихай вернулся сам — с фингалом под глазом, глубокими царапинами на щеке и разбитой губой.

Не говоря ни слова, Ихай сел рядом с Су Цзыянем под ивой. Они молча смотрели на реку, по которой скользили белые паруса лодок. Ян Ихай осторожно коснулся раны на лице.

— Твою мать... Больно-то как. Ох и злые же эти щенки. Надо было им ещё по паре пинков

добавить, пока лежали.

Су Цзыянь опустил голову и плотно сжал губы. Спустя минуту он тихо вымолвил:

— Спасибо...

— Да я просто руки решил размять, а тут как раз эти рожи подвернулись, — Ян Ихай закатил глаза. — А ты терпелив, ничего не скажешь. Позволил им себя измолотить.

— А что мне оставалось? Раз уж я, по их словам, «уродлив до безобразия»... — Цзыянь горько усмехнулся. — Если бы поднялся шум и чинуши прознали, что я здесь, брату с сестрой несдобровать.

— Плевать! — фыркнул Ихай.

— И господина Юя бы подставил...

— Худей! Прямо сейчас, немедленно, со всей прытью! Чтобы, когда эти подонки увидят тебя в следующий раз, они тебя, гады, за версту не узнали!

Из-за побитого вида Ян Ихай так и не решился в тот день пойти в город за наставником.

Вечером, когда Юй Чуцю вернулся домой, Ян Ихай и брат с сестрой Су уже приготовили ужин и чинно сидели за столом, поджидая его.

Большой красный фонарь под стрехой разливал тёплый свет, согревая душу Юй Чуцю. Его несказанно удивило то, что сегодня в доме царило полное согласие и никто не затеял ссору.

«Интересно, что это на них нашло?»

Но стоило Юй Чуцю занять своё место, как он увидел на лицах Ян Ихая и Су Цзыяня явные следы недавней драки.

Он помрачнел. Юй Чуцю нахмурился, поправил бородку и ледяным тоном произнёс:

— Пятое правило дома Юй: не вступать в распри с людьми. Вы двое сегодня остаётесь без ужина.

— Чего?! Как это?! Ну всё, жирдяй, берегись, это всё из-за тебя! — взорвался Ян Ихай.

— Шестое правило дома Юй: не выказавшим раскаяния — запрет на выход из дома на один день.

— А-а-а! Чуцю, постой, я всё объясню!

— Не стоит. Оправдания — суть прикрытие, а прикрытие — лишь почва для сказок. Седьмое правило дома Юй: лжецам — наказание удваивается.

— Да за что же мне это?! Ну как же так?!

— Молчать!

— Уф...

<http://bllate.org/book/17540/1701134>